

А доклад был сенсационный. Исследователь П. А. Попов нашел в архивах копию письма П. А. Катенина к П. В. Анненкову от 1853 г., в котором Катенин под секретом утверждал, что слышал от самого Пушкина в 1832 г., будто бы Евгений Онегин, совершая путешествие по России, должен был посетить Одессу, увидеть аракчеевские военные поселения, встретиться с Пушкиным. И «тут были замечания, суждения, слишком резкие для обнаружения», и поэтому Пушкин рассудил за благо «предать их вечному забвению и вместе выкинуть из повести всю главу, без них слишком короткую, как бы оскудевшую». Находка П. А. Попова (затем опубликованная в журнале «Литературный критик», 1940, № 1) очень была в духе времени, подталкивала советских ученых к углублению мотивов вольнолюбия в романе Пушкина. Пройдет немного времени, и Г. А. Гуковский безоглядно заявит: «...еще полгода, и Онегин придет на Сенатскую площадь». Разные люди собрались послушать Попова. Вересаев был, конечно, себе на уме: послушал и ушел. Его прения не интересовали. Что-то сказали Г. О. Винокур, И. Н. Розанов, Л. В. Крестова. Совсем недавно, уже работая над своей книгой о Пушкине для издательства «Художественная литература» (1987), я обратил внимание на то, что П. В. Анненков, когда Катенина уже не было в живых и секрет хранить не надо было, поступил осторожно и не нашел Онегина способным на резкие замечания о военных поселениях.

На втором заседании артист Дмитрий Журавлев читал перед пушкинским синедрионом приготовленную им еще в сырье «Пиковую даму». Журавлев только что блестяще сыграл роль Пушкина в фильме «Путешествие в Арзрум» и весь был проникнут Пушкиным. Много читал его на эстраде («Пиковая дама» вскоре станет коронным номером в его репертуаре, прозвучит в записи на радио и по телевидению). Чтение произвело чарующее впечатление. В пластической манере, с чудесной интонацией, артист выявлял все новые и новые смысловые значения и оттенки в пушкинском тексте, живые жесты героев. После аплодисментов заспорили, как надо произносить слова: «игорный» или «игорный». Историк М. В. Нечкина поразительно тонко, «по-женски», проанализировала скрытый эгоизм в характере Лизы. Не помню кто, но с большим знанием прокомментировал всю картежную механику, терминологию, понятную в пушкинские времена и совершенно забытую после революции. Между тем артисту надо было четко знать: что такое «паролі», «семпель», что значит «играть мирандолом», «поставить на руте». Сейчас все это прокомментировано, а тогда толковалось едва ли не впервые. Во время журавлевского чтения С. М. Бонди внимательно следил за текстом по серенькому академическому томику.

В студенчестве я сильно бедствовал, и Благой однажды очень помог. Несмотря на свои прохладные отношения с Цявловскими, упрямил их взять меня в группу, заготавливавшую по соответствующей инструкции Мстислава Александровича карточки для будущей «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина». Я изучал «Старину и новизну» за 1915 г. и письма Андрея Карамзина к родным из-за границы в Петербург зимой 1836—1837 гг., т. е. описывал менее интересную часть будущей сенсационной «Тагильской находки». Что значит описывал? Эта работа была творческая. Карамзин писал к родным, в той или иной степени касаясь Пушкина. Требовалось установить, какой именно факт жизни поэта имелся в виду, когда и где, хотя бы приблизительно, это событие имело место. Если не получался однозначный ответ, надо было растяжимую дату ставить в угловые скобки с отточием. Цявловский однажды меня пожурил, когда я что-то напутал среди шести Киселевых — знакомых Пушкина. На обороте карточки надо было ставить свою фамилию — для учета и скромной оплаты. Когда придет время для издания второй части «Летописи...», которая охватит вторую половину жизни Пушкина, всплывут перед составителями и обработчиками материалов и мои карточки по «Старине и новизне» — посильная студенческая лепта в столь ответственное и грандиозное дело.

Полное добросердечие и благоволение Дмитрия Дмитриевича ко мне выра-